

Общие психологические принципы детского психоанализа¹

В настоящей работе я собираюсь подробно исследовать различия психической жизни детей и взрослых. Эти различия требуют применения адаптированной к детскому мышлению техники анализа, и я постараюсь наглядно показать, в чем состоит *психоаналитическая техника игры*, которая в полной мере отвечает этому требованию. С этой целью я привожу далее основные положения, на которых она основана.

Как нам известно, с внешним миром ребенок устанавливает отношения посредством объектов, которые доставляют удовольствие его либидо и поначалу бывают связаны исключительно с его же собственным Эго. Первое время отношение к такому объекту, независимо от того, человек ли это или неодушевленный предмет, но-

---

¹ Эта работа в целом соответствует первой главе моей книги «Детский психоанализ», (Ремарка принадлежит самой Мелани Кляйн, сделана в 1947 году).

сит чисто нарциссичекий характер. Однако, именно таким способом ребенку удается установить отношения с реальностью. Мне бы хотелось проиллюстрировать эти отношения на примере.

Девочка по имени Трюд отправилась с матерью в путешествие, после того, как в возрасте трех лет и трех месяцев прошла единственный психоаналитический сеанс. Шесть месяцев спустя психоанализ возобновился, но заговорить о событиях, которые произошли в этот временной промежуток, малышка смогла только после очень длительного перерыва; для этого она использовала аллюзию и прибегла к помощи сна, о котором рассказала мне. Ей приснилось, что она снова очутилась с матерью в Италии. Они сидели в ресторане, и официантка отказалась принести ей малиновый сироп, так как тот у них закончился. Интерпретация этого сна помимо прочего выявила, что девочка до сих пор страдает от фрустрации, пережитой в период отнятия от груди, то есть связанной с утратой первичного объекта; также в этом сне обнаруживает себя ревность, которую ребенок испытывает к своей младшей сестре. Как правило, Трюд рассказывала мне самые разные вещи без какой-либо очевидной связи между ними и довольно часто припоминала отдельные подробности своего первого психоаналитического сеанса, предшествовавшего событиям этих шести месяцев; и лишь один единственный раз подавленная фрустрация заставила ее вспомнить о своих поездках: в остальном они не представляли для нее заметного интереса.

С самого нежного возраста ребенок учится познавать реальность, попадая под воздействие тех фрустраций, которые она у него вызывает, и, защищаясь от них, отвергает ее. Между тем, основная проблема и главный критерий

самой возможности последующей адаптации к реальности заключается в способности пережить фрустрации, порождаемые эдипальной ситуацией. С самого раннего детства, утрированный отказ от реальности (зачастую скрытый под демонстративной «приспособляемостью» и «послушностью») является признаком невроза. От него мало чем отличается, разве что формами своего проявления, бегство от реальности взрослых пациентов, страдающих неврозом. Следовательно, одним из результатов, определяющих, к чему в конечном итоге должен прийти психоанализ, в том числе у ребенка, становится успешная адаптация к реальности, в результате которой, в частности, облегчаются процессы взросления. Иначе говоря, проанализированные дети должны стать способными выдерживать реальные фрустрации.

Мы нередко наблюдаем, что на втором году жизни малыши начинают выказывать заметное предпочтение родителю противоположного пола, а также демонстрируют другие признаки, относящиеся к зарождающимся эдиповским тенденциям. В какой же момент появляются характерные для Эдипова комплекса конфликты, или, иначе, когда психическая жизнь ребенка начинает определяться комплексом Эдипа? Этот вопрос не столь ясен, так как сделать вывод о существовании Эдипова комплекса мы можем лишь по отдельным изменениям, происходящим в поведенческих проявлениях и отношениях ребенка.

Анализ, проведенный с ребенком двух лет и девяти месяцев, а также с другим – трех лет и трех месяцев, и многих других детей в возрасте менее четырех лет, позволил мне прийти к заключению, что глубокое воздействие Эдипова комплекса начинает сказываться на них

примерно со второго года жизни.² Психическое развитие еще одной маленькой пациентки может послужить примером, позволяющим проиллюстрировать данное утверждение. Рита предпочитала мать до начала второго года жизни, а затем явно продемонстрировала свое предпочтение отца. В частности, в возрасте пятнадцати месяцев она частенько настаивала на том, чтобы оста-

² Другое заключение, доказательства которому я не могу привести в данной работе, всецело согласуется с первым.

Изрядное количество проведенных детских психоанализов позволяют мне утверждать, что выбор отца объектом своей любви у маленьких девочек совершается вследствие отнятия от груди. Эта фрустрация, за которой следует приучение к чистоте (процессы, которые представляются ребенку новым и болезненным лишением получаемой любви), ослабляет связи между младенцем и матерью и пробуждает гетеросексуальное влечение; оно еще больше усиливается благодаря нежности отца, интерпретируемой в настоящее время как соблазнение. Более того, в качестве объекта любви отец изначально лучше отвечает потребности в оральном удовлетворении. В сообщении, которое я зачитала перед конгрессом в Зальцбурге в апреле 1924, процитированы два примера, показывающие, что вначале дети воспринимают и хотят совокупление как оральное действие.

Предположительно, результаты воздействия этой фрустрации на развитие Эдипова комплекса у мальчиков выступают и как тормозящий, и как симулирующий фактор одновременно. Эти травмирующие переживания поначалу действуют как *тормозящие*, так как мальчик каждый раз возвращается к ним впоследствии, когда пытается избежать фиксации на матери. Именно они усиливают его отношение, обратное эдиповскому, они берут свое начало от матери и прокладывают путь комплексу кастрации. Я утверждаю, что как раз по этой причине в самом глубоком слое бессознательного дети обоих полов сильнее опасаются своих матерей, чем возможной кастрации. (*Курсив автора*).

С другой стороны, бывает и так, что одновременная фрустрация анального и орального влечений стимулирует развитие эдиповской ситуации у мальчиков, так как вынуждает их изменить либидную позицию и выбрать мать, как объект влечения и генитальной любви.

ваться с ним наедине и, сидя у него на коленях, вместе рассматривать книжки. Тогда как в возрасте восемнадцати месяцев ее отношение вновь изменилось, и она начала как прежде отдавать предпочтение матери. Одновременно у нее возникли ночные страхи, а также страх перед животными. Девочка подтверждала все возрастающую фиксацию на матери, а также ярко выраженную идентификацию с отцом. К началу третьего года жизни она демонстрировала все более обостряющуюся амбивалентность, и с ней стало настолько трудно справляться, что в возрасте трех лет и девяти месяцев ее привели ко мне, чтобы я провела с ней психоаналитическую терапию. К тому времени она в течение нескольких месяцев обнаруживала очевидную заторможенность в играх, неспособность испытывать фрустрацию, чрезмерную чувствительность к боли и резко выраженную тревожность. Такой динамике отчасти послужили причиной вполне определенные переживания: чуть не до двухлетнего возраста Рита спала в спальне своих родителей, и впечатление от постельных цен явно проявилось в ходе ее психоанализа. В то же время, благодаря рождению младшего брата, невроз получил возможность открыто проявить себя. Вскоре после этого появляются и стремительно нарастают гораздо более серьезные трудности. Вне всякого сомнения, существует непосредственная связь между неврозом и глубинным воздействием Эдипова комплекса, пережитого в столь нежном возрасте. Не буду настаивать, что все без исключения дети-невротики страдают вследствие преждевременного воздействия Эдипова комплекса, который протекает на таком глубинном уровне, или что невроз возникает в том случае, когда комплекс Эдипа зарождается слишком

рано. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что подобные переживания усугубляют конфликт, и, как следствие, усиливают невроз или подталкивают его к открытому проявлению.

Я постаралась из всех характерных для этого случая черт отобрать и описать те, которые анализ многих других детей позволил мне определить как типические. Именно в детском психоанализе мы получаем возможность обнаружить их самое непосредственное проявление. Наблюдаемые множество раз, причем в самых разнообразных психоаналитических случаях, всплески тревоги у детей в очень раннем возрасте выражались в повторяющихся ночных страхах, впервые испытанных ближе к концу второго года жизни или в начале третьего. Эти страхи были действительно пережиты, но в то же время своим появлением они обязаны невротической переработке Эдипова комплекса. Возможны многочисленные проявления подобного рода, которые приводят нас к нескольким определенным выводам о влиянии Эдипова комплекса.³

В ряду проявлений, где связь с эдипальной ситуацией очевидна, нужно особо выделить случай, когда дети то и дело падают или ударяются, а их преувеличенная чувствительность, как и неспособность выносить фрустрации, скованность в игре и в высшей степени амбивалентное отношение к праздникам и подаркам, наконец, определенные трудности с обучением нередко возника-

---

³ Я уже описывала в статье «Психоанализ маленьких детей» непосредственную связь, которая объединяет эти новообразования с тревожностью, исследуя взаимоотношения тревоги и торможения. (Более подробно см. Мелани Кляйн «Психоаналитические эссе», Париж, Пайо, 1968, стр. 110 – 141 / *Essais de psychanalyse*, Paris, Payot, 1968, p. 110 – 141).

ют в самом раннем возрасте. Я утверждаю, что причина этих столь распространенных явлений кроется в интенсивнейшем чувстве вины, которое далее я намерена рассмотреть в его развитии.

Вот пример, доказывающий, что чувство вины воздействует с такой силой, что способно породить ночные страхи. Трюд в возрасте четырех лет и трех месяцев, во время психоаналитических сеансов постоянно играла в то, как наступает ночь. Мы обе должны были ложиться спать. После этого она выходила из своего угла, который обозначал ее спальню, подкрадывалась ко мне и начинала всячески мне угрожать. Девочка собиралась перерезать мне горло, вышвырнуть на улицу, сжечь меня заживо или отдать полицейскому. Она пыталась связывать мне руки и ноги, приподнимала покрывало на диване и говорила, что она сделала «по-каки-куки».⁴

Бывало, что она заглядывала в «попо» своей матери и искала там «каки», которые символизировали для нее детей. В другой раз Трюд хотела ударить меня по животу и заявила, что она извлекает оттуда «а-а» (испражнения), что делает меня дрянной. Наконец, она взяла подушки, которые до того неоднократно называла «детьми» и спрятала под покрывалом в углу дивана, где затем присела на корточки с явными признаками сильнейшего страха. Девочка покраснела, принялась сосать большой палец и описалась. Подобное поведение всегда следовало за нападениями, жертвой которых я становилась. В возрасте чуть меньше двух лет то же самое она делала в своей кровати, когда у нее случались приступы сильнейшего ночного страха. Начиная с того времени, у нее вошло в при-

---

⁴ Poro = попа. Kacki = какашки. Kucken (нем. / разг.) = карапуз.

вычку прибегать по ночам в комнату, где спали родители, при этом, она была не в состоянии объяснить, что ей было нужно. Когда Трюд исполнилось два года, родилась ее сестра, и в ходе анализа удалось прояснить, что она думала о причинах своей тревоги и почему она мочилась и пачкала в кроватке. В результате анализа ей также удалось избавиться от этих симптомов. В тот же период Трюд захотела похитить ребенка у беременной матери. У нее возникло желание убить свою мать и занять ее место в половом акте с отцом. Эти тенденции ненависти и агрессии послужили причиной ее фиксации на матери. Фиксация особенно усилилась, когда девочке минуло два года, и соответственно возросли ее тревожность и чувство вины. Когда эти явления столь отчетливо обозначились в ходе анализа Трюд, чуть не каждый раз непосредственно перед психоаналитическим сеансом она ухитрялась найти способ, чтобы причинить себе вред. Я заметила, что предметы, о которые она ударялась (столы, шкафы, печки и т.п.) всегда представляли для нее, в соответствии с примитивно-инфантильной идентификацией собственную мать, и в редких случаях – отца, которые ее наказывали. В общем, я сделала вывод, что постоянные жалобы на падения и ушибы, в особенности, у малышей берут начало в комплексе кастрации и чувстве вины.

Игры ребенка позволяют нам прийти к определенным заключениям относительно чувства вины, возникающего в столь раннем возрасте. Люди, окружавшие Риту, когда ей было всего лишь два года, бывали поражены ее бурным раскаянием из-за любого, самого пустячного промаха, если малышка допускала таковой, а также гиперчувствительностью к любым обращенным к ней упрекам. Например, однажды она залилась слезами

только потому, что отец в шутку стал грозить медвежонку из книжки с картинками. Причиной ее самоидентификации с медвежонком был страх осуждения, исходящего от ее *реального* отца. Торможение в процессе игры тоже порождалась чувством вины. В возрасте двух лет и трех месяцев, когда она играла в куклы (игра не доставляла ей сколько-нибудь заметной радости), девочка постоянно подчеркивала, что не была ее мамой. Анализ покажет, что она не осмеливалась в игре исполнять материнскую роль, потому что пупс представлял для нее помимо прочего, маленького братца, которого она хотела изъять из тела беременной мамы. Хотя на этот раз запрет, противостоящий желанию ребенка, исходил не от *реальной*, а от *интроецированной* матери, чью роль она разыгрывала у меня на глазах и которая пользовалась гораздо более строгими и даже жестокими мерами для поддержания собственной власти, чего настоящая мать никогда не делала. В возрасте двух лет у Риты проявился обсессивный симптом, состоящий в длительном ритуале укладывания в постель. Его главное содержание заключалось в том, что ее приходилось каждый раз тщательно закутывать в одеяльце, чтобы развеять страхи, что «в окно запрыгнет мышка или “butty” (генитальный орган) и вцепится зубами в ее собственную “butty”». ⁵ В ее играх в тот же период появился другой красноречивый элемент: необходимо было всегда пеленать куклу точно так же, как заворачивали ее саму, а однажды потребовалось поста-

---

⁵ У Риты комплекс кастрации проявлялся в целом ряде невротических симптомов и сказывался на развитии ее характера. Ее игры также самым наглядным образом проявили сильнейшую идентификацию с отцом, страх не исполнить свою мужскую роль и тревогу, чьим источником служил комплекс кастрации.

вить слона рядом с кукольной кроваткой. Слон должен был помешать кукле проснуться, в противном случае она бы прокралась в спальню родителей и причинила им вред или стащила бы «кое-что». Слон (отцовское имаго) был призван исполнять роль преграды. Интроецированный отец уже сыграл эту роль в самой Рите, когда между пятнадцатью месяцами и двумя годами она захотела узурпировать место матери рядом с отцом, похитить у нее вынашиваемого ребенка, избить и кастрировать родителей. Реакции гнева и тревоги, которые последовали за наказанием «ребенка» в ходе данной игры, показали, что внутри себя Рита разыгрывала две роли: власти, которая судит, и наказанного ребенка.

Один из фундаментальных и универсальных механизмов игры состоит в том, чтобы исполняемая роль помогла ребенку разделить в своем творчестве различные идентификации, которые тяготеют к слипанию в единое целое. Распределяя роли, ребенок может исторгнуть отца и мать, чьи образы были абсорбированы им в ходе развития Эдипова комплекса, и чья жестокость причиняет ему теперь страдания изнутри. В результате такого исторжения возникает чувство облегчения – главный источник доставляемого этой игрой удовольствия. Игра, которая состоит в принятии определенных ролей, зачастую, кажется очень простой и воплощающей исключительно первичные идентификации, но это лишь внешняя видимость. Хотя такое проникновение отнюдь не влечет за собой прямого терапевтического эффекта, исследование само по себе позволяет выявить все имеющиеся скрытые идентификации и установки, особенно, если удастся добраться до чувства вины.

Во всех случаях, когда я проводила психоанализ, подавляющий эффект чувства вины проявлял себя весьма наглядно, причем, даже в самом раннем возрасте. То, с чем мы здесь столкнулись, соответствует известным нам фактам о строении психики взрослых и тому, что представлено у них под именем Супер-Эго. На мой взгляд, допустить возможность, что Эдипов комплекс достигает апогея в своем развитии приблизительно к четвертому году жизни ребенка, и получить данные, что развитие Супер-Эго – это результат окончательного формирования комплекса, отнюдь не будет означать противоречий таким наблюдениям. Наиболее типичные и определенные феномены, в которых в самой развернутой и отчетливой форме Эдипов комплекс достигает пика развития, предшествующего его затуханию, представляют собой ни что иное, как его созревание или результат эволюции, совершающейся на протяжении *нескольких лет*. Анализ самых маленьких детей показывает, что с появлением Эдипова комплекса они начинают активно реагировать на его возникновение и, как следствие, вырабатывают собственное Супер-Эго.

Воздействие этого инфантильного Супер-Эго аналогично тому, что мы встречаем у взрослых, но, безусловно, оно давит гораздо более тяжким грузом на не вполне окрепшее Эго ребенка. Детский психоанализ учит нас, что Эго ребенка укрепляется, когда психоаналитическая процедура тормозит воздействие чрезмерных требований Супер-Эго. Несомненно, Эго маленьких детей сильно разнится от Эго детей постарше или взрослых. С другой стороны, когда мы освобождаем ребенка от власти невроза, его Эго понуждается соответствовать требова-

ниям реальности, хотя и не столь серьезным по сравнению с теми, с которыми должны справляться взрослые.⁶

Мышление маленьких детей отличается от мышления тех, что постарше; соответственно и реакция на психоанализ отлична от той, что можно наблюдать в более позднем возрасте. Зачастую, нас порядком удивляет, насколько легко принимаются наши интерпретации: иногда дети даже выражают заметное удовольствие, которые те им доставляют. Причины, по которым эти процессы столь отличны от анализа взрослых, кроются в том, что на определенном уровне мышления у маленьких детей сохраняется возможность более непосредственного контакта между сознательным и бессознательным, и, следовательно, у них намного проще осуществляется переход от одного к другому. Этим и объясняется незамедлительный эффект после сообщения интерпретаций. Разумеется, последние в любом случае должны предъявляться только на основе накопления достаточно удовлетворительного материала. Именно дети с удивительной готовностью, быстротой и регулярностью поставляют нам такой материал во всем его богатстве и разнообразии. Эффект от интерпретации не-

---

⁶ Дети не могут изменять обстоятельства своей жизни, как это часто происходит у взрослых в конце психоанализа. Но ребенок может получить чрезвычайно важную помощь, которая позволит ему почувствовать себя более комфортно в заданных обстоятельствах и успешнее развиваться. Более того, исчезновение невроза у ребенка зачастую устраняет и внешние затруднения. У меня есть множество подтверждений, что, например, материнские реакции становились существенно менее невротичными, когда психоанализ вызывал у ребенка благоприятные изменения.

редко просто паразителен, даже если ребенок, казалось бы, совершенно не склонен принимать ее сознательно. Прерванная по причине сопротивления игра возобновляется; она становится более разнообразной, расширяется диапазон вариаций, все более глубокие слои психики обретают возможность своего игрового выражения; восстанавливается и психоаналитический контакт. Удовольствие, которое получает ребенок от игры в процессе предъявления интерпретации, проистекает также от того, что становятся бесполезными дальнейшие затраты ресурса на сопротивление. Но тут мы можем столкнуться с большим количеством временных сопротивлений, и в этом случае обстоятельства не обязательно будут складываться столь же благоприятно, и нам придется преодолевать значительные трудности. Несомненно, случай, когда мы сталкиваемся с чувством вины именно таков.

В своих играх дети символически представляют фантазии, влечения и переживания, используя с этой целью архаические, филогенетически приобретенные язык и способ самовыражения. Этот язык, столь хорошо знакомый нам по нашим же сновидениям, в полной мере мы способны понять, только применяя метод, предложенный Фрейдом для распознавания смысла снов. Их символизм имеет общую характерную особенность. Если мы хотим лучше понимать скрытый смысл игры ребенка в соотношении с их общим поведением во время психоаналитических сеансов, мы должны постоянно отслеживать не только то, что именно она символизирует и что заявляется в ней со всей возможной очевидностью, но также и способ репрезентаций и используемые механизмы в преобразовании снов. Мы должны сохранять объективность в том смысле, что в узловой

точке, в которой проявляется сущность этих явлений, необходимо все время изучать их во всей совокупности.⁷

Если мы применяем такую технику, то довольно быстро убеждаемся, что дети проявляют не меньше ассоциативности в различных вариациях своих игр, чем взрослые в отдельных фрагментах своих снов. Детали игры отчетливо указывают путь внимательному наблюдателю, и время от времени, ребенок в открытую высказывает все то, чему можно смело приписать те же значимость и наглядность, что присущи ассоциациям взрослых.

Помимо архаичного метода репрезентаций ребенок использует также и другие примитивные механизмы, в частности, он подменяет слова движениями (подлинны-

---

⁷ Проводимые мной сеансы психоанализа всякий раз подтверждают, какое множество самых разнообразных вещей могут означать в играх, например, куклы. В некоторых случаях они символизируют пенис, иногда отцовский, похищаемый из материнского тела, а подчас принадлежащий самому маленькому пациенту, и т.д. Только изучая игру, ее интерпретацию в мельчайших деталях, можно уловить эти связи и сделать интерпретации по-настоящему эффективными. **Материал**, который дети подтверждают по ходу аналитических сеансов, когда переходят от игр с игрушками к драматизациям (разыгрыванию по ролям), затем к играм с водой, к вырезанию или рисованию; **манера** игры, которую они избирают; **причины**, по которым они бросают один вид занятий и переходят к другим; **способы**, которые они выбирают для репрезентации, – все вместе они составляют факторы, которые так часто выглядят слишком запутанными и лишенными всякого смысла. Но для нас они предстают в своей внутренней значимости и сложности взаимосвязей, как мысли и источники, которые привлекают наше внимание и вскрывают их значение, если мы интерпретируем их точно также как сны. Больше того, зачастую ребенок представляет в игре сон, который он только что рассказал, не менее часто он выражает в игре, которая следует за рассказом, связанные с ним ассоциации, а нам остается только их разгадать; таков самый значимый способ самовыражения ребенка.

ми предшественниками мыслей). У детей действие играет роль первого плана.

В «Истории инфантильного невроза»⁸ Фрейд высказал следующую мысль: «Фактически, психоанализ, проведенный с невротизированным ребенком, на первый взгляд может показаться гораздо более убедительным, но в то же время он не может быть столь же богат материалом: необходимо предоставить ребенку слишком много своих слов и мыслей, а более глубокие слои при этом могут так и остаться нескрытыми и непроницаемыми для сознания».

Если же мы будем применять к ребенку один в один ту же самую технику, что используется для анализа взрослых, нам, конечно же, не удастся проникнуть в самые глубокие слои их психической жизни. Тогда как, именно эти слои особенно значимы с точки зрения ценности и успеха всего анализа в целом. Тем не менее, если отдавать себе отчет в психологических отличиях ребенка от взрослого и удерживать в памяти мысль, что у детей бессознательное находится в коротком доступе для сознания, а также, что самые примитивные тенденции сообщаются у них напрямую с наиболее сложными известными нам новообразованиями, такими, как, например, Супер-Эго; иначе говоря, если мы отчетливо распознаем способ самовыражения у ребенка, все эти сомнительные моменты, все эти неблагоприятные факторы просто-напросто растворяются. Мы утверждаем, что в действительности, во всем, что касается глубины проникновения психоанализа, с детьми можно достичь того же уровня, что и со взрослыми пациентами. Более того, детский психоанализ позволяет нам вернуться к первичным восприятиям и фиксациям, которые в анализе взрослых могут быть

---

⁸ Зигмунд Фрейд «Пять случаев психоанализа».

только *реконструированы*, тогда как у ребенка они репрезентуются *непосредственно*.⁹ Возьмем в качестве примера случай Руфь, в младенческом возрасте какое-то время она страдала от голода, так как у ее матери не хватало молока. В возрасте четырех лет и трех месяцев, когда она играла у меня возле раковины, девочка назвала кран с водой краном с молоком. Она заявила, что молоко попадает прямо в рот (отверстие сливной трубы), но течет оно слишком слабо. Это неудовлетворенное оральное желание проявилось также в многочисленных играх и драматизациях и явно показывало ее самоотношение. Например, она часто утверждала, что она бедная, что у нее только одно пальто и ей дают недостаточно еды, что ни в коей мере не соответствовало действительности.

Эрна в возрасте шести лет (она страдала от невроза навязчивых состояний) стала еще одной моей пациенткой, ее невроз был основан на впечатлениях, полученных во

---

⁹ На VII международном психоаналитическом конгрессе, прошедшем в Зальцбурге в 1934 году, мне удалось продемонстрировать, что фундаментальные механизмы детской игры и любых последующих сублимаций представляют собой разгрузку от мастурбационных фантазий. Это основополагающий факт определяет любую игровую активность и постоянно стимулирует игру (в ее компульсивном повторении). Заторможенность в процессе игры или обучения является следствием чрезмерного отказа от таких фантазий, а вместе с ними и от воображения вообще. Сексуальные переживания ассоциативно связаны с этими фантазиями и также представлены в игре. В представляемом и разыгрываемом опыте воспроизведение примитивных сцен имеет первостепенную важность и регулярно выходит на первый план в психоанализе малышей. Только после длительного психоаналитического периода, после того, как были частично разоблачены и прояснены примитивные сцены и проблемы генитального развития, мы можем подступиться к репрезентациям прегенитальных переживаний и фантазий.

время приучения к личной гигиене.¹⁰ Она изобразила мне все эти переживания в малейших подробностях. Однажды девочка посадила маленькую куколку на камень, изображая дефекацию, и разместила вокруг нее других кукол, которые должны были взирать на первую. Затем Эрна вновь прибегла к этому материалу в другой игре, в которой у нас были совсем другие роли. Она захотела, чтобы я играла роль младенца, который испачкал пеленки, тогда как Эрна стала его мамой. Младенец был предметом всяческой заботы и всеобщего восхищения. Вслед за этим у нее возникла вспышка ярости, когда она сыграла роль жестокой гувернантки, которая отшлепала ребенка. Эрна представила мне одно из первых травмирующих переживаний в своей жизни. Ее нарциссизм претерпел жестокий удар, полученный, когда она вообразила, что меры, принятые с целью сделать ее чистой, т.е. попросту вымыть, означают потерю того особого отношения, которым она пользовалась в раннем детстве.

В целом, в детском психоанализе невозможно переоценить степень влияния и давления на фантазию компульсивных повторений, проявляющихся в действиях. Конеч-

---

¹⁰ Это приучение, воспринятое Эрной как принудительное и предельно жестокое, происходило на самом деле без малейшего намека на жестокость и настолько просто, что в возрасте одного года ребенок уже перестал пачкать штанишки. Ее честолюбие, которое проявилось исключительно рано, в данном случае стало мощнейшим стимулом, но и заставило ее рассматривать любые меры, предпринимаемые с целью сделать ее чистой, как насилие, что и послужило причиной быстрого развития в столь раннем возрасте глубокого чувства вины. Впрочем, это уже стало довольно распространенным – считать, что чувство вины играет важнейшую роль в процессе приучения ребенка к чистоте, здесь мы впервые имеем дело с проявлениями Супер-Эго.

но же, малыши гораздо чаще используют способ прямого выражения в действиях, но и в дальнейшем, повзрослев, дети регулярно прибегают к этому примитивному механизму, особенно, когда психоанализ успешно справляется с некоторыми видами сопротивлений. Для того чтобы анализ мог успешно продвигаться, необходимо, чтобы дети получали удовольствие от применения этого механизма, но это удовольствие всегда должно оставаться на службе у основной цели. Именно здесь мы впрямую сталкиваемся с превосходством принципа удовольствия над принципом реальности. Мы не можем воззвать к смыслу реальности у совсем маленьких пациентов, как это возможно с более взрослыми.

Если средства самовыражения у детей отличаются от присущих взрослым, то и психоаналитическая ситуация у тех и у других будет различаться в той же мере. Тем не менее, в главном, она остается идентичной. Последовательные интерпретации, постепенное уменьшение сопротивления и усиление переноса по мере продвижения ко все более ранним ситуациям составляют как у взрослых, так и у детей, слагаемые психоаналитической ситуации в том виде, в каком она и должна представлять на практике.

Я уже упоминала, что детский анализ позволил мне часто наблюдать, насколько незамедлительно действуют мои интерпретации. Тем более удивительным было подметить, что, несмотря на неопровержимые признаки этого воздействия: обогащение игры, укрепление переноса, ослабление тревоги и тому подобные, – длительное время дети не воспринимают смысл моих интерпретаций на сознательном уровне. Мне удалось доказать, что такое сотрудничество приходит несколько позже. Например, бывает так, что в какой-то момент ребенок начинает отличать мать, когда

она воспринимается, как относящаяся к области «кажущегося», от реальной матери, а резинового гольша – от живого маленького братца. Затем они утверждают довольно настойчиво, что на самом деле никому не хотели причинять вред, а только поиграть. Настоящего младенца они, конечно же, по их высказываниям, очень любят. Необходимо, чтобы длительное и напряженное сопротивление было все-таки преодолено, прежде чем ребенок сможет осознать, что его агрессия направлена именно на *реальные* объекты. Но однажды, когда дети, наконец, это понимают, их адаптация к реальности в целом заметно улучшается, даже если они совсем маленькие. У меня сложилось впечатление, что интерпретация поначалу усваивается только бессознательно, и лишь значительно позже взаимоотношения малышей с реальностью все больше проникают в сферу их сознательного восприятия и понимания. Таковы процессы, благодаря которым происходит усвоение знаний о фактах из сексуальной области и аналогичных. Длительное время в психоанализе актуализировался исключительно такой материал, который пригоден для трактовки теориями сексуальности и фантазирования на тему рождения, данный материал всегда интерпретировался без какого-либо специального «объяснения» или комментария. Так, мало-помалу приходит истинное понимание, ровно в той мере, в какой исчезает бессознательное сопротивление, создающее препятствия этому процессу.

Как следствие, первый результат детского психоанализа заключается в улучшении эмоциональных отношений с родителями. Сознательное понимание приходит намного позже и принимается под давлением Супер-Эго, чьи требования психоанализ изменяет таким образом, что Эго ребенка становится менее угнетаемым и, более того,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

(e-Univers.ru)